

Н.Ю. Агеева
ИВ РАН

Гу Цзеган о *Чжоу И*

Научное творчество и мировоззрение знаменитого ниспровергателя традиционной историографии Китая Гу Цзегана (顾颉刚, 1893–1980) во многом сформировались под влиянием личности его старшего современника – Ху Ши, а также научной, публицистической и общественной деятельности последнего. Особенно значимое влияние на Гу Цзегана оказала та радикальная критика конфуцианской ортодоксии, которой ее подверг Ху Ши с позиций западноевропейской и североамериканской системы ценностей начала прошлого века. Именно в издаваемом Ху Ши журнале *Душу цзачжи* (№ 9 за 1923 г.) Гу Цзеган впервые обнаружил свой знаменитый историографический постулат «последовательного формирования историографии древнего Китая» (层累地造成的中国古史)¹, который нашел полное понимание и поддержку у Ху Ши и его соратников по «движению за новую культуру». Данный тезис фактически объявлял традиционную историю Китая фальсификацией, сфабрикованной и в таком виде воспроизводящей многими и многими поколениями китайских историков².

Вокруг Гу Цзегана сплотилась группа единомышленников-историков, получившая название «течение, подвергающее сомнению древность» (疑古派)³. Эта возглавляемая Гу Цзеганом группа (куда кроме него входили Ху Ши, а также другой лидер Движения 4-го мая – весьма радикально настроенный профессор Пекинского университета лингвист Цянь Сюаньтун (1887–1939), впоследствии крупный специалист по *И цзину* Ли Цзинчи (1902–1975) и другие ученые) среди прочих постулатов древности также подвергла критическому пересмотру господствующие воззрения на *Чжоу И* – «первый из шести канонов».

В частности, лидер «движения, подвергающего сомнению древность», опираясь на разработанную им разоблачительную методологию выделения и дифференциации различных «слоев» китайской культурной традиции (по разным причинам перепутанных традиционной историографией), выступил с критикой ряда доселе не оспариваемых постулатов относительно как канонической, так и комментаторской частей *Чжоу И*. Речь

© Агеева Н.Ю., 2007

шла ни много ни мало о «низвержении *Чжоу И* с пьедестала “священного канона, созданного Фуси и Шэньнуном” и обнаружении его мантической природы... демонстрации несоответствия ицзиновского “Десятикрылия” первой и второй половинам его канонической части» [1, с. 1]. В первом случае им были отвергнуты догматически утверждаемое авторство Вэнь-вана и, соответственно, традиционная датировка афоризмов к гексаграммам и гексаграммным чертам (*гуа цы, яо цы*). Во втором – традиционная атрибуция и датировка ицзиновского «Десятикрылия» (столь же догматически приписывающая создание всех десяти канонических комментариев Конфуцию).

Впрочем, несомненная оригинальность гуцзегановского анализа не должна и переоцениваться – в своих «революционных» разоблачениях он существенно опирался на весьма богатую китайскую традицию подобной радикальной критики *Чжоу И*. В частности, он считал себя продолжателем критицизма сунцев (таких, например, как Оуян Сю) и особенно чжуанской критики *Чжоу И*⁴.

Осуществленная Гу Цзеганом критика традиционных атрибуций канонической части памятника⁵ не может оцениваться однозначно. С одной стороны, сама постановка проблемы авторства (в ее современном понимании) для архаических текстов, подобных *Чжоу И*, выглядит довольно сомнительной. Начать с того, что, вообще говоря, закрепление произведений за определенным именем собственным распространяется далеко не на все эпохи и обязательно далеко не для всех разновидностей текстов. В случае же древних и канонических текстов (к которым относится *И цзин*) их закрепленность за именем собственным, принадлежащим некоему великому человеку данной культуры (безразлично – реальному или мифическому), имеет главным образом символическое – освящающее значение, задавая подобающее восприятие текста и предопределяя направление его интерпретации.

Поэтому проблема, на которую нацелено острие гуцзегановского анализа («Кому же, в конце концов, принадлежит авторство афоризмов к гексаграммам и гексаграммным чертам – Вэнь-вану, Чжоу-гуну или Конфуцию?»)⁶, – это совершенно не тот вопрос, который особенно заботил китайского историка-ортодокса. Ведь для него фигура автора имела подчеркнуто статусное значение. Иными словами, здесь принципиально, чтобы творцом *И цзина* непременно был «совершенноумудрый правитель древности», а уж какой именно из них – это, в конце концов, и не столь уж важно. Естественно, что если давно известная «неопределенность автора» не очень беспокоила традиционного (и просто менее критичного, чем Гу Цзеган) китайского историка, то очевидное в работах Гу Цзегана покушение на авторство совершенноумудрых как таковое не могло не восприниматься как радикальная постановка под вопрос ценности самого памятника. Эта проблематизация (в ходе которой, при анализе комментаторской части *Чжоу И*, затрагивалась личность Конфуция – важнейшей знаковой фигуры Китая) не могла не вызывать протест не только у современников Гу Цзегана, но и у последующих поколений китайских историков⁷.

С другой же стороны, его неортодоксальная постановка проблемы авторства *И цзина* оказалась очень продуктивной. Попытки Гу Цзегана идентифицировать конкретные исторические реалии – лица, места, события и тому подобное (например, личности и обстоятельств гибели, скорее всего, реального исторического персонажа по имени «царь двенадцатый» (王亥) – предполагаемого фигуранта впрямую упоминаемой в *И цзине* истории с «утерей баранов/быков»⁸), к которым адресуют некоторые из афоризмов канонической части древнего памятника. Привязка афоризмов к историческим реалиям впервые позволила научно обоснованно наметить верхнюю границу создания памятника (династия Шан-Инь – западное Чжоу, т.е. XVI–XI вв. до н.э.), и в этом несомненная заслуга Гу Цзегана⁹.

Что касается взаимосвязи канона и комментариев, то Гу Цзеган решительно оспаривает ортодоксальную атрибуцию ицзиновского «Десятикрылия», фокусируя свою критику на теории образности, содержащейся в «Сицычжуани». Не ограничиваясь одними сомнениями в единстве канона и комментариев, Гу Цзеган противопоставляет их: по его мнению, представляемые ими точки зрения «диаметрально противоположны». С одной стороны, фрагментарные упоминания ближайших по времени событий, причем совершенно свободные от конфуцианской идеологии¹⁰, с другой – системное повествование гораздо более позднего времени, проникнутое конфуцианскими идеологемами. Поэтому, «поскольку оба эти памятника – “Чжоу И” и “И чжуань” – написаны в совершенно различные исторические эпохи и их содержание также несхоже, то мы сейчас хотим развести оба эти произведения» [1, с. 44].

В качестве основной мишени для своей ниспровергающей традиции критики Гу Цзеган выбирает содержащуюся в «Сицычжуани» концепцию ицзиновских прообразов важнейших технических и культурных новаций, которая в китайском оригинале формулируется следующим образом: «созерцающая образы, изготавливать орудия» (*гуаньсян чжици* 观象制器). По своему обыкновению и в согласии с декларируемой им установкой на «срывание всех и всяческих масок», Гу Цзеган в своих филологических разысканиях даже и не пытается быть объективным, а с самого начала становится на позицию прокурора, исходящего из презумпции виновности. Виноватой – так же, как и в случае с *гуа* и *яо цы*, – конечно же, оказывается почти вся предшествующая Гу Цзегану конфуцианская наука. Согласно Гу Цзегану, она злонамеренно (с целью завышения статуса *И цзина*!) фальсифицировала как авторство фундаментальных открытий и великих изобретений (в сторону его максимальной авторитетности – когда оно приписывалось таким славным фигурам китайской истории, как Шэнь Нун, Хуанди и т.п.), так и их датировку (в направлении ее максимального «удревления» – относя ее ко времени трех царей и пяти императоров)¹¹.

Собственно критика теории ицзиновских прообразов у Гу Цзегана весьма незамысловата в своей наивной прямолинейности: вся она строится как лобовое противопоставление чреватых научно-техническими открытиями естественно-природных образов бесплодным образам ицзиновских триграмм и гексаграмм. «На мой взгляд, вся эта история (т.е.

представленная в «Сицычжуани» история создания основ материальной и духовной культуры посредством созерцания гексаграммных образов. – *Н.А.*) просто неправдоподобна. Для того чтобы изобрести какую-либо вещь, конечно же, необходимо созерцать образы, однако эти образы должны быть естественно-природными образами, а вовсе не образами, задаваемыми восемью триграммами. К примеру, наблюдая за плывущим по воде куском древесины и размышляя о данном явлении, вполне можно додуматься до идеи создания лодки. Что же касается гексаграммных образов, то поскольку из одного лишь созерцания образа дерева над водой¹² никак не извлечешь идеи плавучести дерева, то совершенно непонятно, как на этом пути можно прийти к изобретению лодок. Если же, по словам «Сицычжуани», одного взгляда на гексаграмму – триграмма над триграммой (т.е. образ дерева над водой) – было достаточно для изобретения деревянной лодки, то почему же тогда созерцание гексаграммы ¹³ – триграмма Цянь над триграммой Кань (т.е. образ металла над водой) не привело к изобретению броненосцев? Почему созерцание гексаграммы ¹⁴ – триграммы Ли над триграммой Кань (т.е. образ огня над водой) не увенчалось изобретением парохода?» [1, с. 41–42].

На нелепость подобных рассуждений вынужден был отреагировать (правда, в достаточно мягкой форме) даже Ху Ши – «духовный отец» и философский гуру чересчур увлекшегося разоблачениями критика. В своем письме к Гу Цзегану¹⁵ Ху Ши отмечал: «Твоя критика... совершенно не считается с исторической последовательностью изобретений и открытий в сфере материальной культуры. То есть я хочу сказать, что упрекать людей, живших несколько тысячелетий тому назад в том, что они, глядя на гексаграммный образ “огня над водой”, не изобрели парохода, это, наверное, не та позиция, на которую следовало бы становиться историку» [2, с. 86]. Но Гу Цзеган не принял содержащихся в письме возражений, сочтя их плодом «недопонимания его позиции» [1, с. 88].

Гу Цзеган вслед за Кан Ювэем¹⁶ утверждал что «Сицычжуань» не могла появиться раньше, чем в период западной Хань (206–23 до н.э.). В частности, развиваемая в «Сицычжуани» концепция ицзиновских прообразов культурных и технических новаций отчетливо производна от западноханьских течений ицзинистики, возводимых к Мэн Си (примерно 90–40 до н.э.) и Цзин Фану (77–37 до н.э.)¹⁷.

В отличие от датировок текстов, разъясняющих гексаграммы из канонической части памятника, предлагаемые Гу Цзеганом датировки «Сицычжуани» должны быть существенно скорректированы в свете современных археологических данных¹⁸. С участием Вэнь-вана и Конфуция в формировании памятника – столь решительно оспариваемого группой историков, возглавляемых Гу Цзеганом, – дело также обстоит не столь просто, как им казалось в период их «бури и натиска»¹⁹.

Примечания

¹ Связь этого постулата с идеологией эволюционизма и историзма, развивавшегося Ху Ши, очевидна.

² Неудивительно, что эта публикация произвела сенсацию в научных кругах постимператорского Китая. «Поскольку вплоть до последнего времени китайскому сознанию школьным образованием навязывалось шаблонное представление о китайской истории, “начинающейся с создания вселенной Пань Гу и продолжающейся от правления трех императоров и пяти владык до наших дней”, то внезапно услышав о несуществовании как Пань Гу, так и трех императоров с пятью владыками, общественность невольно зароптала» (Гу Цзеган. «Как я писал и редактировал Гушибянь»; цит. по [4, с. 505]).

³ Особенную нелюбовь критиков снискала ханьская комментаторская традиция, поэтому их первоочередной задачей стало «преодоление ханьских воззрений на каноны» [1, с. 1].

⁴ «Используя современные знания, углубили и расширили аргументацию Чжоу Си – и они зазвучали совершенно по-новому» [1, с. 1]. Относительно этой критики см. [8, с. 227–228].

⁵ Имеется в виду прежде всего *текстовая* часть канона (т.е. гексаграммные афоризмы и афоризмы к гексаграммным чертам).

⁶ См. [2, с. 4].

⁷ Современную трактовку проблемы авторства Конфуция в отношении комментаторской части *Чжоу И* см. [5].

⁸ «Утратил баранов (быков) в [Ю] И (喪羊/牛于[有]易)» – афоризмы к пятой черте гексаграммы № 34 и к верхней черте гексаграммы № 56 соответственно.

⁹ Современную оценку проделанного Гу Цзеганом анализа см., например, в [5, с. 2].

¹⁰ Которой в рассматриваемый период еще просто не могло существовать.

¹¹ «С целью повышения статуса *И цзина* заслуга в изобретении повседневных предметов человеческого обихода и жизнедеятельности приписывается творчеству совершенномудрых, основанному на созерцании образов» [2, с. 41].

¹² Имеется в виду гексаграмма № 59 *Хуань*. Подробнее см. [8, с. 227–228].

¹³ Гексаграмма № 6 *Сун*.

¹⁴ Гексаграмма № 64 *Вэй цзи*.

¹⁵ См. [8, с. 227].

¹⁶ См. [6, с. 85–86].

¹⁷ Главным аргументом Гу Цзегана в пользу данного утверждения служит ссылка на широкое использование в «Сицзычжуани» таких специально-технических приемов, как *хути* («смешанные триграммы») и *бяньгуа* (гексаграммные трансформации). А появление этих формальных приемов в настоящее время часто принято относить ко временам именно ханьской ицзинистики.

¹⁸ Как полагает один из ведущих современных исследователей *Чжоу И*, Ли Сюэцин, «Сицзычжуань» появилась не позднее середины эпохи «воюющих царств» (т.е. в 475–221 до н.э.; см. [5, с. 233]).

¹⁹ См., например, [5] и [7, с. 66].

Литература

1. *Гу Цзеган*. Цзысьюй (Предисловие) // Гуши бянь (Дискуссия по древней истории Китая). Т. 3. Бэйпин, 1931.
2. *Гу Цзеган*. Чжоу И гуа яо цы дэ гуши (Нарративы в составе афоризмов к гексаграммам и чертам) // Гуши бянь (Дискуссия по древней истории Китая). Т. 3. Бэйпин, 1931.
3. *Ху Ши*. Лунь гуаньсян чжици дэ сюэшо шу (Письмо насчет «гуаньсян чжици» [«созерцающая образы, изготавливать орудия»]) // Гуши бянь (Дискуссия по древней истории Китая). Т. 3. Бэйпин, 1931.
4. *Лу Синьшэн*. Цзинь саньбай нянь игу сычао яньцзю (Исследование вольнодумства в Китае за последние 300 лет). Шанхай, 2001.
5. *Ли Сюэцин*. Чжоу И цзин чжуань су юань. (Восхождение к истокам канонической и комментаторской [частей] Чжоу И: Чжоу И с точки зрения археологии и филологии). Чанчунь, 1992.
6. *Кан Ювэй*. Синь сюэ вэй цзин као (Исследование о поддельных канонах Синьской школы). – Вэйшу тункао (Энциклопедия неаутентичных книг). Т. 1, 2. Шанхай, 1957.
7. *Ян Цинчжун*. Эр ши шизци чжунго исюэ ши (История китайской ицинистики в XX веке). Пекин, 2000.
8. *Агеева Н.Ю.* Тема И цзина в творческом наследии Ху Ши // XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2006.